

Р.Р. Вахитов

ВОЗВРАЩЕНИЕ АРХИЕРЕЯ-ФИЛОСОФА

Рецензия на: *Соловьев А.П.* «Согласить философию с православной религией»: идейное наследие архиепископа Никанора (Бровковича) в истории русской мысли XIX–XX вв. Уфа: Изд. А.А. Словохотова, 2015. 440 с.

Общеизвестно, что исследования русской религиозной философии, которые активно ведутся в современной России, имеют заметный крен в сторону «светской» философии, представленной именами В.С. Соловьева и его последователей из числа философов Серебряного века, развивавшейся в университетской, академической среде и в разнообразных кружках. Гораздо меньшее внимание уделяется духовно-академической традиции русской философии, то есть тем философским учениям, которые создавались в рамках духовных академий Русской Православной Церкви. Между тем, по крайней мере в XIX веке, в этих учебных заведениях наличествовали гораздо более комфортные условия для преподавания и развития философии, чем в светских высших учебных заведениях, в частности в университетах. В последних с 1840-х гг. были ликвидированы философские факультеты, кафедры философии и на некоторое время даже было запрещено само преподавание философии, тогда как в духовных академиях РПЦ продолжали существовать кафедры метафизики и на них плодотворно работали такие выдающиеся русские мыслители, как А.И. Введенский, В.Д. Кудрявцев-Платонов, П.Д. Юркевич и др. Значение этой второй (а в некотором отношении — первой) линии русской религиозной философии начинает в полной мере осознаваться только сейчас, благодаря трудам энтузиастов, которые возвращают русской общественности труды и идеи философов духовных академий, анализируют их учения, их место в русской мысли, связь с учениями «светских религиозных философов», с зарубежной философией.

Рустем Ринатович Вахитов — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки Башкирского государственного университета (г. Уфа) (Rust_R_Vahitov@mail.ru)

Один из таких трудов — монография Артема Павловича Соловьева «Согласить философию с православной религией»: идейное наследие архиепископа Никанора (Бровковича) в истории русской мысли XIX–XX вв.», выпущенная в Уфе издательством А.А. Словохотова в 2015 году, к сожалению, не очень большим тиражом (500 экз.).

Архиеп. Никанор (Бровкович) — видный церковный и общественный деятель XIX века, выпускник и преподаватель Санкт-Петербургской духовной академии, ректор Рижской, Саратовской, Витебской семинарий, Казанской духовной академии, епископ Уфимский, а затем Херсонский и Одесский, сподвижник К. Победоносцева — оставил глубокий след в русской религиозной философии и в жизни русской Церкви и общества XIX века. Он был учеником известного православного философа-платоника и переводчика Платона В.Н. Карпова, автором фундаментального трехтомного труда «Позитивная философия и сверхчувственное бытие», в котором излагалась оригинальная версия православного платонизма, ряда научных статей в ученых журналах и множества поучений, которые публиковались в церковных изданиях. На его систему философии и отдельные общественно-публицистические выступления обращали внимание В.С. Соловьев, К.Н. Леонтьев, В.В. Розанов, Н.Я. Грот и другие известные философы того времени. Его смелое и талантливое отстаивание тезисов православного мировоззрения в эпоху материализма и нигилизма вызывало ожесточенные нападки со стороны «прогрессивной» «демократической» интеллигенции (в частности, Н.А. Добролюбова). Владыка Никанор повлиял на философское мировоззрение Грота, Розанова и в определенном смысле предвосхитил религиозный ренессанс Серебряного века и возврат части русской интеллигенции от революционного нигилизма к ценностям Церкви.

Вместе с тем его учение не только до сих чрезвычайно мало и фрагментарно исследовано (А.П. Соловьев указывает, что на настоящий момент существует всего чуть более 10 историко-философских исследований, посвященных творчеству владыки Никанора, причем ни одной монографии, посвященной архиеп. Никанору до сих пор не написано, монография Соловьева — первая), но и его философские труды, о которых высоко отзывался прот. В. Зеньковский в своем учебнике по русской философии, до сих пор не переизданы.

В специальной литературе не раз указывались причины такого недостаточного интереса к творчеству владыки Никанора: это — господство в России и при жизни архиеерея, и после его смерти материалистического мировоззрения, критиком и обличителем которого он являлся, и принадлежность этого выда-

ющего философа к церковному священноначалию, что не добавляло к нему симпатий со стороны исследователей — материалистов и позитивистов.

Труд А.П. Соловьева восполняет этот пробел в изучении истории русской философии. Необходимо заметить, что монография — пока последнее (но, хочется верить, не заключительное) звено в цепи статей А.П. Соловьева, посвященных данной тематике и опубликованных в различных научных и общественных изданиях в России и за ее рубежами¹.

Не случайно обращение к творчеству архиерея-философа именно уфимского исследователя русской религиозной мысли. Семь лет своей жизни архиепископ Никанор отдал служению на уфимской кафедре. Он много сделал для Уфимской епархии и Уфимского края. Его трудами в Уфе и губернии открывались церковно-приходские школы, строились церкви, но главное — был создан комитет православного миссионерского общества (Уфимский край — место компактного проживания башкир и татар, среди которых Церковь вела до революции не всегда успешную миссионерскую деятельность) и начала выходить газета «Уфимские епархиальные ведомости» (издание которой продолжается до сих пор). На ее страницах публиковались поучения владыки на весьма актуальные темы — о школьном образовании, о нигилизме и материализме, об идеале православной женщины и т.д.; впоследствии многие из них перепечатывались центральными церковными изданиями и приобретали общероссийское звучание.

Память о владыке Никаноре бережно хранится в Уфимской епархии, и для этого было много сделано автором рецензируемой монографии.

Однако вернемся к самой книге. Она включает в себя как оригинальное историко-философское исследование, так и множество приложений, в которые вошли отрывки из трудов и отдельные труды владыки Никанора и работы о его жизни и творчестве. Уже сам тот факт, что в книге А.П. Соловьева переопубликованы и заново введены в научный оборот работы архиеп. Никанора и его исследователей, позволяет говорить о большом значении выхода в свет этой книги.

---

¹ *Соловьев А.П.* Архиепископ Никанор (Бровкович) и К.Н. Леонтьев: конгенитальность мысли и духа // *Христианство и русская литература. Сборник 7.* СПб.: Наука, 2012. С. 185–224.; *Соловьев А.П.* «Синтетическая философия» архиепископа Никанора (Бровковича) — опыт онтологической гносеологии XIX в. // *Вопросы философии.* 2012. №10. С. 129–139; *Соловьев А.П.* Источники для исследования философии архиепископа Никанора (Бровковича) // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия.* 2013. №2(46). С. 88–102; *Соловьев А.П.* Архиепископ Никанор (Бровкович) о вреде идеи прогресса и вероятной пользе железных дорог // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия.* 2014. №4(54). С. 29–45 и др.

Цель своего историко-философского исследования А.П. Соловьев видит в том, чтобы показать «место, роль и значение философии архиеп. Никанора в истории русской философии XIX–XX вв.» (С. 32). Эта цель определила структуру книги.

Вводная часть посвящена изложению жизненного пути архиепископа Никанора. В первой главе анализируются основные черты философского учения архиепископа Никанора. Большое значение при этом придается изучению источников, что же касается самой философской системы, — подробно рассматриваются онтогносеология владыки Никанора и его антропология монашества.

Вторая глава отведена описанию идейно-философского окружения архиеп. Никанора. Рассматривается влияние на него представителей духовно-академической философии (Карпова, Юркевича), а также Страхова и Достоевского, обсуждается соотношение воззрений и взаимные влияния архиепископа Никанора, с одной стороны, и В.С. Соловьева, Н.Я. Грота и И.С. Аксакова — с другой.

В третьей главе проанализированы высказывания представителей русской религиозной мысли (В.С. Соловьева, К.Н. Леонтьева, В.В. Розанова) об архиепископе Никаноре и его философии. Особняком стоит четвертый параграф третьей главы — «Архиепископ Никанор и А.Ф. Лосев: опыт необоснованного сравнения». Автор называет сравнение «необоснованным», поскольку А.Ф. Лосев ничего об архиепископе Никаноре не писал, однако в «синтетической философии» архиеерея-философа А.П. Соловьев видит предтечу «философии синтезов» другого философа-монаха — А.Ф. Лосева (в монашестве — Андроника).

В заключении автор приводит краткое изложение философии владыки Никанора, сведя ее к 7 тезисам, и повторяет выводы о месте его философии в русской мысли и о ее оценке выдающимися русскими религиозными мыслителями.

Как уже было замечено, работа А.П. Соловьева является первой монографией, посвященной жизни и философскому творчеству этого крупного деятеля Русской Церкви и русской философии XIX века. Владыка Никанор и его философия и до революции не были избалованы вниманием исследователей. После нее по понятным причинам он был основательно забыт, да и сейчас, в эпоху возрождения религиозности в нашей стране, исследований философского наследия этого архипастыря до обидного мало (особенно если учесть высокую оценку его философии Владимиром Соловьевым и протоиереем Василием Зеньковским). Автор монографии вполне осознает пионерский характер своей рабо-

ты и признает, что мы находимся лишь в начале изучения творчества владыки Никанора, когда наиболее актуальны задачи филологической критики, изучения источников: «Сейчас можно говорить только о начале анализа источников для изучения философии архиеп. Никанора. Без подробнейшего содержательного изучения материалов архивного фонда архиеп. Никанора невозможна реконструкция его мировоззрения» (С. 87). В этом направлении А.П. Соловьевым проделана большая работа: он был первым, кто обратился к архиву архиепископа Никанора, который хранится в Государственном архиве Одесской области, описал его, обнаружил редчайшие архивные материалы; кроме того, проанализировал опубликованные работы архиерея-философа, изучил отзывы русских дореволюционных мыслителей о его философии, исследования творчества архиепископа (и дореволюционные, и современные).

В ходе этой работы А.П. Соловьеву удалось дать ответы на многие историко-философские вопросы, касающиеся взаимного влияния архиеп. Никанора и представителей русской светской академической философии. Так, установив датировку рукописей второго тома «Позитивной философии и сверхчувственного бытия», А.П. Соловьев сумел опровергнуть предположения о влиянии идей В.С. Соловьева на архиепископа Никанора в период работы над первым и вторым томами его главного философского произведения: когда из печати вышли первые публикации В.С. Соловьева, работа архиерея над этими томами была уже завершена.

Историков русской философии безусловно заинтересуют рассуждения А.П. Соловьева о возможном влиянии философии архиеп. Никанора на В.С. Соловьева, об идейных переключках между архиеп. Никанором и К.Н. Леонтьевым, об удивительном параллелизме некоторых взглядов архиеп. Никанора и А.Ф. Лосева.

Специалистов-платоноведов может заинтересовать анализ теории эйдосов, составляющей суть теоретической философии архиепископа Никанора. Историков Русской Церкви привлекут материалы, касающиеся быта духовных академий XIX века. Особый интерес книга представляет для уфимских краеведов: в ней собраны редкие факты о жизни губернской Уфы.

Вместе с тем книга А.П. Соловьева будет полезна не только ученым. На ее страницах оживает запоминающийся трагический и возвышенный образ православного монаха-интеллектуала XIX века. Трагедия владыки Никанора состояла не только в том, что он был мучим вполне понятными сомнениями, возникшими после основательного изучения материалистической и позитивистской философской литературы своего времени (а он прекрасно знал учения Канта, Кон-

та, Спенсера, Дарвина и других кумиров антицерковной русской интеллигенции XIX века). Эти сомнения он смог преодолеть: посредством внушительной интеллектуальной работы ему удалось в своей системе в определенной степени осуществить синтез учений положительной науки того времени и православного мировоззрения. Куда страшнее то, что, защищая Церковь и православную веру от нападок ревнителей интеллектуальной моды той эпохи, архиепископ столкнулся с сопротивлением и непониманием со стороны ...отдельных иерархов самой Церкви. Защитник Православия, он официально был объявлен неправославным за то, что рассказывал студентам академии о кантовском опровержении доказательств бытия Божия. Причем обличителей не интересовало, что владыка Никанор считал это наилучшей возможностью подвергнуть позицию Канта аргументированной критике. И дело не только в недоразумении: архиеерея-философ в своих воспоминаниях пишет, что отмахиваться от нападков на Церковь, попросту не читать антицерковную и даже нецерковную литературу было сознательной политикой в духовных академиях того времени. Апологет, читающий атеистов и вольнодумцев, пусть даже с целью их опровержения, выглядел в глазах начальства подозрительно. С тяжелым чувством читаешь те страницы автобиографических заметок архиеп. Никанора, где он признается, что с трудом вынес такие обвинения; они отразились и на его здоровье (он даже стал заговариваться на нервной почве), и на методе его преподавания (с тех пор он боялся рассуждать на лекциях свободно, опасался также и отвечать на вопросы студентов, чтоб не сказать чего-нибудь лишнего, он только читал по тетрадке).

Мучился он и тем положением, в котором оказалась Русская Церковь в XIX веке, когда злоупотребления и формальность служения наверху сочетались с вопиющим религиозным невежеством внизу (приехав в Уфимскую епархию и посетив несколько отдаленных деревень, он к ужасу своему обнаружил, что крестьяне не только не ходят в храм и не знают молитв и Символа веры, они даже не могут узнать на иконе лик Спасителя, путая Его со св. Николаем!). Владыка изложил в свои горькие мысли в книге, которая, однако, была прочитана лишь узким кругом близких ему людей и не увидела печати — после дела Каракозова, архиепископ Никанор, решив, что такая книга будет на руку антицерковным радикалам, собственноручно сжег рукопись. К счастью, последующие многочисленные его биографические заметки сохранились и были опубликованы наследниками.

Несмотря на то, что жизнь многократно предоставляла возможность озлобиться, закоснеть в обиде (и перед глазами архиеп. Никанора были примеры

ученых монахов, которые, не выдержав всех испытаний, даже вышли из монастыря), владыка Никанор явил собой пример истинного христианского смирения и веры. Невозможно остаться равнодушным, читая в книге о его смерти, которую А.П. Соловьев справедливо называет истинно христианской кончиной.

Думается, автору монографии, который не скрывает намерения и дальше заниматься этой темой, можно порекомендовать не ограничиваться историко-философским исследованием и задуматься о написании биографии архиепископа Никанора.

Разумеется, монография не лишена недостатков. Главный среди них — неотрефлексированность методологии. Впрочем, метод в данном исследовании присутствует, и это тот самый метод, который применяется большинством современных российских исследователей истории русской философии, — позитивистский. Он сводится к тому, чтобы изучать тексты, сводить их идеи в некие системы, при этом выделяя в них онтологию, гносеологию, антропологию, социальную философию, обнаруживать в текстах упоминания других мыслителей или схожесть мыслей и на этом основании говорить о влиянии одних на других (которое может быть подтверждено или опровергнуто наличием переписки, личного общения, отраженного в документах, и т.д.).

Этот метод пришел в России на смену марксизму, который делал упор на влияние социально-политической обстановки на философов и воспринимается как образец «чистой научности». Поэтому зачастую его адепты даже не осознают, что они используют некий метод — они думают, что совершают некие самоочевидные действия, которые совершенно необходимы для историка философии и которые автоматически приведут к искомой истине. Однако возможности этого метода сильно ограничены (это показал еще Ролан Барт в своей критике применения позитивистского метода в литературоведении), а достоинства проявляют себя только в случае сознательного и «умного» его использования. Есть ряд историко-философских проблем, которые просто неразрешимы при опоре на один лишь позитивистский метод. И если исследователи-позитивисты и пытаются их решать, то только потому, что наряду с инструментарием «чистого позитивизма» они используют некие представления о сущности философии, законах ее развития, связи философии и других наук, философии и национальной культуры и т.д. Причем эти представления рассматриваются обыкновенно как некие общеизвестные аксиомы и потому даже не подвергаются критике; в итоге филигранное здание позитивистских штудий зиждется на песке плохо продуманных «аксиом».

Яркий пример такого подхода — рассуждения А.П. Соловьева о том, как отделить философские произведения от нефилософских в наследии владыки Никанора (с. 75). Автор полемизирует с Я.Н. Колубовским, утверждая, что даже те произведения, которые формально являются богословскими, имеют философское содержание. Несколько не сомневаясь в правоте этой общей мысли, мы должны все же заметить, что данный спор будет осмысленным и плодотворным, только если сразу обозначить свое понимание философии и ее демаркации от богословия. В противном случае, оставаясь на уровне одного лишь источниковедческого анализа, обосновать свою позицию будет невозможно.

Вообще говоря, для того, чтобы решить задачу, которую поставил перед собой автор монографии — выяснить место философии архиеп. Никанора в истории русской мысли, — необходимо сначала определиться с наиболее фундаментальными вопросами: «В чем состоит специфика русской философии? Где проходит граница между философией и богословием? Каковы взаимоотношения духовной академической и светской академической русской религиозной философии?». Мы не говорим о том, что каждый должен выдвинуть свою собственную оригинальную концепцию русской культуры и философии; их без того предостаточно, и умножать их без необходимости не нужно. Речь о другом — о том, чтобы в самом начале исследования прямо заявить о своем согласии или несогласии с соответствующими концепциями, что предполагает их критическое рассмотрение, а не опору на них как на общеизвестные априорные истины, которые понимаются крайне расплывчато.

Для нас образцом историко-философского исследования в этом отношении являются труды А.Ф. Лосева. Вспомним его «Историю античной эстетики»: прежде чем перейти к тончайшему филологическому анализу произведений античных философов, Лосев высказывает и обосновывает свое понимание античной культуры и философии, без чего и филологический анализ остался бы картиной, где есть красивые детали, но нет общей композиции.

Мы просим читателей рецензии и автора монографии воспринимать это наше замечание не как уничижающую критику, а как побуждение к деятельности в этом направлении. Выше уже было сказано, что серьезное изучение творчества архиеп. Никанора только началось. На первых стадиях увлечение позитивистской филологической работой не только простительно, но и необходимо. Но дальнейшая работа невозможна без серьезного осмысления методологии истории философии, ее метафизических оснований. Мы не сомневаемся что автора монографии о архиеп. Никаноре А.П. Соловьева ждут на этом пути новые успехи.

Кроме того, если уж зашла речь о продолжении А.П. Соловьевым его историко-философских штудий наследия архиепископа Никанора и републикации первоисточников, заметим, что действительно необходимо переиздание главного философского труда архиепископа Никанора (Бровковича) «Позитивная философия и сверхчувственное бытие». Наконец, автор монографии признает влияние на владыку Никанора как на философа Платона, неоплатоников, Лейбница, Канта, Шеллинга, и, таким образом, не обойтись без работы, в которой анализировались бы и эти вопросы.

Рецензируемый же труд А.П. Соловьева, думается, займет достойное место на книжных полках любителей и знатоков истории русской философии, Русской Церкви и простых христиан-интеллектуалов.

Источники и литература

1. *Соловьев А.П.* Архиепископ Никанор (Бровкович) и К.Н. Леонтьев: конгениальность мысли и духа // *Христианство и русская литература. Сборник 7.* СПб.: Наука, 2012. С. 185–224.
2. *Соловьев А.П.* «Синтетическая философия» архиепископа Никанора (Бровковича) — опыт онтологической гносеологии XIX в. // *Вопросы философии.* 2012. №10. С. 129–139.
3. *Соловьев А.П.* Источники для исследования философии архиепископа Никанора (Бровковича) // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия.* 2013. № 2(46). С. 88–102.
4. *Соловьев А.П.* Архиепископ Никанор (Бровкович) о вреде идеи прогресса и вероятной пользе железных дорог // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия.* 2014. №4(54). С. 29–45.
5. *Соловьев А.П.* «Согласить философию с православной религией»: идейное наследие архиепископа Никанора (Бровковича) в истории русской мысли XIX–XX вв. Уфа: Изд. А.А. Словохотова, 2015. 440 с.